

ОТПЕЧАТОК ТВОЕГО СЛЕДА (1934)

* * *

Глаза мои без глаз твоих пустынно:
они — два муравейника разъятых,
а руки-ветви без твоих, крылатых,
мертвы, как две сухие хворостины.

Пригубив робко губ твоих рубины,
я благовещу в сладостных набатах,
а нет тебя — в желаниях распятых
я тери ращу там, где росли жасмины.

Я глохну, если ты хранишь молчанье,
и путь мой без твоей звезды не сладок,
я без тебя безмолвен, как мертвец.

Повсюду я ловлю твое дыханье,
твоих следов забытый отпечаток —
в тебе его начало и конец.

РАНЕННЫЙ ПОСВИСТ (1934)

* * *

Рад я, но радость замкнута во мне,
горестен я, но горе слезы прячет:
если немногословна радость, значит,
горе должно быть сдержанным вдвойне.

Полдень у счастья светится в окне,
в окнах печали черный мрак маячит;
если бы плакать, как колодец плачет, —
в землю зарывшись, боль укрыв на дне!

Буду идти, глотая слезы, снова —
к новым слезам, сквозь слезы и улыбки,
горя не выдавая своего.

Ясен мой взгляд, а под его покровом,
видишь, лучится в недрах светом зыбким
скорбь, обратившаяся в торжество.

* * *

Видя тебя весной в саду ветвистом,
где лепестки глядят в речную гладь,
хочется мне свистеть и щебетать
по-соловьиному, легко и чисто,

по-соловьиному, легко и чисто,
всю мою страсть тебе пересказать,
прежде чем ласки сладкая печать
ляжет на губы песням голосистым.

Рядом с тобой я чересчур высок:
с ветки тебе я плод сорву громадный —
рядом с тобой он чересчур велик.

Ты ускользнешь из пальцев, как цветок,
стоит мне тронуть венчик ароматный —
о, как я мал и робок в этот миг!

* * *

Вздумала ты лимон в меня метнуть —
горький лимон! — рукою непорочной
не повредив его утробы сочной,
но обнажив мучительную суть.

Чтобы ударом желтым всколыхнуть
чуткую кровь, разрушив сон непрочный,
он к моей коже прикоснулся, точно
остроконечная тугая грудь.

Но в тот же миг, когда ты улыбнулась,
смысла своей игры не сознавая
и вождельню моему чужда,

снова уснула кровь, и обернулась
грудь обжигающая, золотая,
мертвенным блеском горького плода.

РАУЛЮ ГОНСАЛЕСУ ТУНЬОНУ

Рауль, когда б созвездьями раулей
зажег пять небосклонов небосклон —
тогда б среди бунтующих знамен
пять новых стягов синью полыхнули.

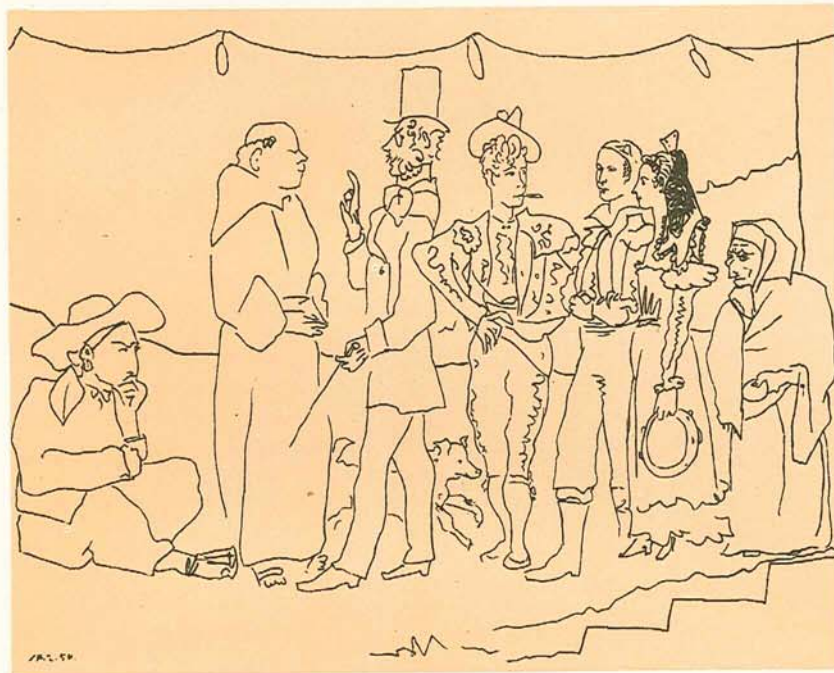
Развороши людской притихший улей
и спящих пробуди, взорви их сон.
Ты словно луч. Лучи со всех сторон
в лицо лучу, волнуясь, заглянули.

Ты занесен, как молот, ты грохочешь,
ты, как протест, бушуешь над толпою,
ты, как земля, трепещешь день за днем

и выкованных, как чугун, рабочих
ведешь на штурм умов, объятых мглою,
чтоб разбудить их — озарить огнем!

КАК МНОГО СЕРДЦА!

Сегодня я в смятенье,
я сам не знаю — отчего все это,
сегодня только боли я открыт,
сегодня дружбы я лишен,
и я хотел бы
с корнем вырвать сердце
и под ноги швырнуть его прохожим.

Мальчик как зерно ржаное, —
кто спасет его такого?
Где куется молот мести,
разбивающий оковы?
— В сердце каждого мужчины
выкуется он с годами,
в тех поденщиках, что в детстве
были пахарями сами.

НАША МОЛОДОСТЬ НЕ УМИРАЕТ

Да, изваянья их лежат.
Но павший — не мертвец.
Бессмертья сахарный росток
над ними выгнул шею:
тучнеет хлеб, чернеет жнец,
трава хлебает громко сок,
не глядя на траншею.

Апрель и май прикрыли эту кровь.
И первый луч, отточенный, слепящий,
по горло входит в травяной покров,
чтоб шевелилось кладбище, как спящий.

Так, вероятно, умирали львы —
рыча, сражаясь, в песен крупной пене.
Еще горячих, их глотали рвы,
кончалась кровь, и восходило пенье.

Они до клетота в груди,
до шепота в бреду
шли. И всего один патрон
поколебал их в шаге.
Они свалились в борозду,
на сапога бродячий трон,
на небосвод отваги.

Дороже мужества микрон,
чем страха океаны.
Сквозь вечный день,
со всех сторон,
пересекая страны,

на спинах коней, светлеющих издали,
хотя они гибельны и мрачны,
проносятся люди, одетые в выстрелы,
идеей пристанища увлечены.

Нет ничего светлее их смертей.
Смотрите, женщины с сияющими лбами:
там зеленеет вечная, как тень,
их молодость над верхними губами.

ИНТЕРБРИГАДОВЦУ, ПАВШЕМУ В ИСПАНИИ

Если живы еще на земле исполины,
у которых сердца как подводные гrotы,
а лицо бороздят корабли и долины,
горизонты и льды, — ты из этой породы.

Флаги родин слетелись на клич твой орлиный,
чтобы вздох твой наполнил их ветром свободы.
И ты встал на дороге звериной лавины,
и светлы были раны твои, как восходы.

Полной грудью вобрав все ветра и приливы,
ты в Испанию врос и воздвиг над камнями
свод ветвей, осеняющих земли и воды.

Из костей твоих мертвых восстанут оливы,
и навеки сплетутся стальными корнями,
и единым объятьем обнимут народы.

РУКИ

Как повелось на свете, два рода рук бывает.
Они растут, как ветви, выходят сквозь предплечья,
их действия повсюду путь сердца отражают,
они живут движеньем, врачуя иль калеча.

Рука должна исполнить и передать движенье
души, а телу служит надежной защитой.
Так поднимите руки все люди, что рожденьем,
и мыслями, и делом навек со мною слиты!

А сейчас ты — как смоковница,
сожженная лучами.
Машут мне седые ветви,
высохшие от печали.

Те же ветви, что когда-то
зеленью меня встречали.

* * *

Ты все дальше, все дальше —
словно поезд несет
тебя вдаль обреченно.

Словно сумрачный бот,
черный.

Ты все ближе, все ближе —
словно поезд идет
на меня неизбежно.

Словно ласковый бот,
нежный.

* * *

Пусть скажет мне морская гладь,
каким я должен быть.
Убивать?
Любить?

* * *

Солнце, роза и мальчик
родились на рассвете.
Завтра родятся вновь
солнце, розы и дети.

Цветок увянет, и луг
другие цветы заполнят.
Но я не исчезну вдруг,
если меня помнят.

Цветок-однодневка сомкнул
в своих лепестках бесконечность.
Молния — цветок света.
Цветок мгновения — вечность.

В цветах утонул мой сын.
Среди цветов я один.

* * *

У моря с тобою хочу быть один:
твой шепот от моря, от гула глубин.

У моря безбрежного ты мне нужна:
тебя наполняет морская волна.

У моря хочу напиться тобой:
твой смех набегает, как пенный прибор.

У моря смотреть на тебя, говорить,
насытить тебя и в себе растворить.

У моря, чью горькую грустную дрожь
отдать не отдашь, но и взять не возьмешь.

* * *

Говорю после смерти, на тризне.
Молчишь, ты осталась жива.
Лучшее в смерти и в жизни —
это бедные наши слова,
вслух не сказанные, завязанные
безмолвий крутым узлом.
Меж нами струна молчания,
дрожащий, тугой излом.